

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-7-15>

Когнитивно-прагматическое описание ревности и ее объективации в письмах Л.Н. Толстого жене

Григорий Валериевич Токарев

*Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула, Россия,
grig72@mail.ru, 0000-0002-2362-0902*

Аннотация

Дается когнитивно-прагматическое описание вербального воплощения ревности. Материалом для изучения стали письма Л.Н. Толстого жене. Исследование осуществлено методом дискурсивного, прагматического, компонентного анализа. На основе изучения семантики, сочетаемости ключевого слова данного эмоционального концепта выявлен его сценарный характер. Предложен универсальный когнитивный сценарий ревности. Установлено, что в спокойном психологическом состоянии Толстой трактовал ревность как нечто плохое, как несчастье и проявление эгоизма. Определено, что вербальное поведение человека, испытывающего чувство ревности, представляет собой сложную коммуникативную стратегию, включающую разнообразные тактики. Выявлено, что Толстым осознается цель своего коммуникативно-прагматического поведения: испытывая ревность, он хочет, чтобы Софья Андреевна прекратила отношения с С.И. Танеевым, что свидетельствует о его доминирующей роли в отношениях. Рассматривается несколько речевых тактик, которые реализует Лев Николаевич: формирование чувства вины у адресата, стимулирование сочувствия и жалости к себе с его стороны; симуляция непонимания; упрек; оценка третьего лица, выступающего в роли причины ревности; сопоставление, прогнозирование последствий с преувеличением. Используемые им тактики преимущественно деструктивны, отражают фокусирование внимания на себе. В целях манипуляции Толстой применяет разнообразные средства эмпатии. В результате анализа получен вывод о том, что Толстой использует преимущественно эксплицитные тактики, открыто и непосредственно влияющие на адресата. Основным средством вербальной объективации ревности являются разнообразные интенсификаторы. Для писем Толстого, выражающих данное чувство, характерна нелогичность и непоследовательность. Содержание речевых актов отражает тревожность адресанта, обусловленную поведением адресата. Коммуникативно-прагматическая специфика тактик заключается в том, что адресант ставит условия и выдвигает требования адресату. Изучение проявлений данного чувства в личностном дискурсе воссоздаёт полную картину природы и вербализации ревности.

Ключевые слова: *обыденный дискурс, эмоциональный концепт, ревность, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, Л.Н. Толстой*

Для цитирования: Токарев Г.В. Когнитивно-прагматическое описание ревности и ее объективации в письмах Л.Н. Толстого жене // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 4 (240). С. 7–15. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-7-15>

THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

Cognitive-pragmatic description of jealousy and its objectification in Leo Tolstoy's letters to his wife

Grigory V. Tokarev

Tula State Pedagogical Tolstoy University, Tula, Russian Federation, grig72@mail.ru, 0000-0002-2362-0902

Abstract

The article gives a cognitive-pragmatic description of jealousy. The material of the study are Leo Tolstoy's letters to his wife. The research is carried out by the method of discourse, pragmatic, and component analysis. On the basis of the semantic analysis, combinability of the key word of this emotional concept it is revealed that it has a script character. The paper proposes a cognitive scenario of jealousy. The author found that in a calm psychological state Tolstoy interpreted jealousy as something bad, as a misfortune, as a manifestation of selfishness. The article determines that the feeling of jealousy is a complex communicative strategy, including tactics heterogeneous in semiotic aspect. The author reveals that Tolstoy is clearly aware of the purpose of his communicative-pragmatic behavior when feeling jealousy: he wants Sophia Andreyevna to stop her relationship with Sergey I. Taneyev, which indicates his dominant role in the relationship. The work explicates several speech tactics used by Lev Nikolayevich: formation of guilt in the addressee, stimulation of sympathy and self-pity on his part; simulation of misunderstanding; reproach; evaluation of the third person acting as the cause of jealousy; comparison, prediction of consequences with exaggeration. The tactics he uses are predominantly destructive, reflecting a focus on himself. In order to manipulate Tolstoy uses a variety of means of empathy. The paper concludes that Tolstoy uses predominantly explicit tactics, openly and directly influencing the addressee. The main means of verbal objectification of jealousy are various intensifiers. Tolstoy is opinionated. His letters expressing this feeling are characterized by being illogical and inconsistent. Tolstoy explains his psychological state as follows: his wife disturbed the usual course of life, caused him anxiety, the reason for which was only in the behavior of Sophia Andreyevna, who is able to normalize the situation. Tolstoy makes demands to his wife and sets conditions for her. The study of the written manifestations of this feeling in personal discourse reconstructs a complete picture of the nature and verbalization of jealousy.

Keywords: everyday discourse, emotional concept, jealousy, communicative strategy, communicative tactics, Leo Tolstoy

For citation: Tokarev G.V. Kognitivno-pragmaticheskoye opisaniye revnosti i yeyyo ob'yektivatsii v pis'makh L.N. Tolstogo zhene [Cognitive-pragmatic description of jealousy and its objectification in Leo Tolstoy's letters to his wife]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 4 (240), pp. 7–15 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-7-15>

Введение

Изучение личности человека связано с рассмотрением его реакций на окружающую действительность. Лингвистика способна обогатить антропоцентрические исследования описаниями вербальных объективаций данных рефлексий. В этой связи проведен ряд комплексных исследований эмоциональных концептов [1–8], рассмотрена специфика их содержания, структуры, средств объективации эмоционального знания. Изучение данных эмоциональных категорий позволяет осмыслить сущность человеческой природы, выделить возрастные, гендерные, культурные особенности их понимания и переживания. Сложным эмоциональным феноменом является ревность. И.А. Куприева и М.С. Мытыцина определяют ее как «подозрительное отношение человека к объекту обожания, связанное с мучительным сомнением в его верности либо знанием о его неверности» [9, с. 22]. Данная дефиниция сформулирована в прагматико-психологическом ключе и прежде всего выделяет

субъекта и его состояние. Данное чувство обычно связывают с проявлением интереса к кому-либо, любовью, дружбой, желанием контролировать что-либо, доминировать над чем-либо. В русской лингвокультуре ревность трактуется и в положительном, и отрицательном аспекте (*коль муж начал ревновать, так беды не миновать, без ревности нет любви*). С одной стороны, ревность выступает следствием сильного чувства (стереотип: ревнует – значит, любит), с другой – она мучительна для человека, который ее испытывает, может ограничивать сферу деятельности другого. Прилагательные, сочетающиеся с данным словом, указывают на высокую степень интенсивности: *жгучая, дикая, бешеная, мучительная*, на спонтанность, неконтролируемость, необъяснимость чувства: *безумная, глупая*. Ревность прочитывается обыденным сознанием как аномалия, болезненное состояние: *приступ ревности, муки ревности, припадки ревности, бред ревности*. Ситуативность, ограниченность проявления, спонтанность ревности отража-

ют словосочетания: *волна ревности, огонь ревности, порыв ревности*. Деструктивный характер ревности воплощают слова: *сгорать от ревности, умирать от ревности, мучиться/терзаться ревностью, задыхаться от ревности*. Словарь русского языка фиксирует следующее прототипическое значение данного слова: 'мучительное сомнение в чьей-либо верности любви, в чьей-либо преданности, подозрение в привязанности, в большей любви к кому-то другому' [10]. Очевидно, что стоящий за данным значением концепт имеет сценарный характер. Ревность вполне можно рассмотреть как «категориальную эмоциональную ситуацию», под которой В.И. Шаховский предлагает понимать «...типичные жизненные... ситуации, в которых задействованы эмоции коммуникантов...» [11, с. 56]. А. Вежбицкая в своей книге [12] представляет разнообразные психологические состояния, используя метод семантических примитивов. Автор отмечает: «...Эмоциональные концепты – включая так называемые базисные эмоции, такие как *злость* или *печаль*, – могут быть истолкованы через универсальные семантические примитивы типа 'хороший', 'плохой', 'делать', 'происходить', 'знать', 'хотеть' [13, с. 326]. С опорой на данное исследование мы предлагаем следующий когнитивный сценарий ревности:

X нечто чувствует,
X испытывает интерес к У,
X хочет, чтобы У делал, думал, чувствовал так, как хочет X,
X считает, что У делает, думает, чувствует не так, как хочет X,
X считает, что У испытывает интерес к Z,
X не хочет этого,
Из-за этого X испытывает нечто плохое.

Материал и методы

Целью настоящей статьи является изучение лингвистической объективации ревности на материале писем Льва Толстого жене. Поставленная цель достигается методами дискурсивного, прагматического, компонентного анализа, использования приемов моделирования содержания речевых тактик с опорой на метод семантических примитивов. Под личностным дискурсом Льва Толстого мы понимаем его речевую деятельность, нашедшую отражение в своем потенциальном измерении в дневниках, письмах, заметках. Дискурсивный анализ данного объекта включает в сферу исследования субъекта речи, его представления о себе и окружающих, прагматический анализ направлен на изучение речевых актов как поступков, выделение стратегий и тактик, а также средств их выражения. Компонентный анализ связан с анализом семного состава значений ключевых иллюкативных единиц.

А.Е. Бочкарёв отмечает: «...Руководствуясь эмпирическими правилами, определять содержание эмоционального концепта можно и путем аппроксимации к собственным переживаниям, но утверждать, каким является его содержание в языке, можно только по засвидетельствованному в корпусе словоупотреблению» [14, с. 108]. В переписке Л.Н. Толстого с женой есть три письма, в которых отчетливо проявляет себя чувство ревности пишущего. В 1897-м году, после смерти сына Вани в 1896-м, Софья Андреевна, не находя желаемой духовной поддержки мужа, ищет успокоения в музыке. Ее увлекает исполнение музыкальных произведений С.И. Танеевым. Лев Николаевич увидел в этих отношениях интерес жены к другому мужчине. Софья Андреевна тяготилась беспочвенной ревностью мужа. Ее дневник этого периода перестит близкими по содержанию записями: «...*больно и ужасно видеть ужас и болезненную ревность Льва Николаевича при известии о приезде Танеева*» (3 июня 1897) [15, с. 222], «*С утра тяжелый разговор с Львом Николаевичем о Танееве. Все та же невыносимая ревность. Спазма в горле, горький упрек страдающему мужу и мучительная тоска на весь день*» (4 июня 1897) [15, с. 222]. Как показывают дневники Софьи Андреевны, она увлеклась Танеевым. Муж на его фоне выглядел как минимум неинтересным. Приведем выдержку из записей Софьи Андреевны, в которой дано сравнение двух мужчин: «Разница и в том, что вместо прошлогодней изящной, прекрасной музыки, доставляемой Сергеем Ивановичем, в настоящую минуту Лев Николаевич фальшиво и громко стучит на фортепьяно аккорды...» (17 июня 1897) [15, с. 232]. Лев Николаевич ревностно реагировал на эти отношения. Тот факт, что данное чувство он переживает в возрасте шестидесяти восьми лет, подчеркивает темперамент Толстого. Похоже, что он и сам удивляется этому. В своем письме он замечает: *Пробуждение мое и твое появление – одно их самых сильных, испытанных мною, радостных впечатлений; и это в 69 лет от 53-летней женищины* (12–13 мая 1897 года) [16, с. 283]. Однако серьезных оснований для ревности у Льва Николаевича, безусловно, не было. 21 июля 1897 года Софья Андреевна писала: «*Моя совесть спокойна; я чиста перед Богом, мужем и детьми – как новорожденный младенец, как телом, так и душою, и даже помыслами*» (21 июля 1897) [15, с. 251]. Уже через год увлечение прошло, и Софья Андреевна запишет в своем дневнике: «*Был Сергей Иванович. Много пришлось говорить с ним сегодня, и никогда я больше не убедилась, как сегодня, что он человек совершенно неподвижный, безжизненный, бесстрастный. Не в смысле брани, а прямо, констатируя то, что есть, про него можно сказать, что*

он только “жирный музыкант”, как Л.Н. его часто называл в припадке ревности – и больше ничего» (10 ноября 1898) [15, с. 408]. Толстой письменно зафиксировал диалектику чувства ревности как и многие другие, присущие внутреннему миру человека. Заметим, что подобные документы внутренней жизни оставили и другие известные люди. Для примера можно привести письма А.С. Пушкина К. Собаньской. Полагаем, в письмах, написанных в порыве ревности, есть как общие, так и отличительные черты. Их изучение поможет воссоздать полную картину природы и вербализации ревности. Заметим, что в своих письмах Л.Н. Толстой нечасто употребляет слово *ревность* (как показывает анализ корпуса «Слово Толстого») [17]. В письмах встречаются негативные контекстно-ситуативные дефиниции данного чувства: *Но чтобы это была радость, надо «хорошенько» стерилизовать ее от преувеличения влюбленности..., от исключительной и вытекающей из нее требовательности, ревности и всякой эгоистической гадости, прикрывающейся хорошими именами* (из письма И.И. Трегубову от 19 июля 1897. Т. 70); *...вы избавляете жену от величайшего несчастья: ревности, злобы...* (из письма Д.Г. Масло от 31 июля 1910. Т. 82) [17]. Таким образом, ревность трактуется Толстым как нечто плохое, несчастье, проявление эгоизма.

Результаты исследования

Переживание и выражение ревности мы понимаем как сложную коммуникативную стратегию, включающую разнородные в семиотическом аспекте тактики. Ее специфической чертой является рецессивность целеполагания. Субъект, испытывающий данное чувство, не всегда осознает, чего он желает, поэтому речевые тактики реализации данной стратегии могут быть спонтанными, неосмысленными. Ревность можно просто испытывать, не желая изменить образ мыслей другого. Однако этого нельзя сказать о коммуникативных намерениях Толстого. Он четко осознает свою цель: хочет, чтобы Софья Андреевна прекратила отношения с С.И. Танеевым, что, несомненно, свидетельствует о его доминирующей роли в отношениях. Толстой использует несколько речевых тактик, испытывая чувство ревности.

Формирование чувства вины у адресата, стимулирование сочувствия и жалости к себе с его стороны: *Уезжал я грустный, и ты почувствовала это и от того приехала, но тяжелого чувства моего не рассеяла, а скорее усилила* (1 февраля 1897 года) [16, с. 275]. *Ты знаешь это, может быть, забывала, хотела забывать, но знала, и ты хорошая женщина и любишь меня и все-таки не хотела, я не хочу еще думать, чтобы не могла из-*

бавить меня, да и себя от этих ненужных, ужасных страданий (19 мая 1897 года) [16, с. 285]. *Что же должен я чувствовать после 2-летних увлечений и имеющих самые очевидные основания, когда ты после всего, что было, устроила в мое отсутствие ежедневные – если они были не ежедневные, то это было не от тебя – свидания* (19 мая 1897 года) [16, с. 286]. *Уезжаю я тоже, потому что, не спав почти 5 ночей, я чувствую себя до такой степени нервно слабым, только попуститься, и я разрыдаюсь, и я боюсь, что не вынесу свидания с тобой и все, что может из него выйти* (19 мая 1897 года) [16, с. 287]. Выражение данной тактики основывается на употреблении лексических средств, имеющих семантику негативного состояния: *грустный, тяжелое чувство, страдания, не вынесу, не спал* и др. Пишущий явно играет на чувствах адресата: он привык к заботе, опеке со стороны жены, поэтому ожидает, что сообщение о плохом духовном и физическом состоянии огорчит, обеспокоит ее. Когнитивным оператором данной тактики является установка: «Знай, что мне плохо. Причина этого кроется в тебе».

Симуляция непонимания. Пишущий якобы не так понимает происходящее. Так, Толстой делает вид, что не понимает Софью Андреевну, когда она говорит о намерении принять участие в репетиции концерта, который готовит С.И. Танеев, хотя, безусловно, хорошо осознает, о чем идет речь: *Я долго не мог понять: какую репетицию?* (1 февраля 1897 года) [16, с. 275]. Данная тактика отражает прагматическую игру субъекта: он делает вид, что не понимает поведения адресата, тем самым пытается пристыдить его, на основании чего мы характеризуем данную тактику как имплицитную. Ее реализация основывается на подтексте, потенциальных семах. Так, слово *репетиция* включает в себя сему ‘свидание’. Когнитивным оператором данной тактики является установка: «Я понимаю, что происходит, но говорю об этом по-другому, так, как будто ничего плохого для меня не происходит. Я хочу пристыдить своего адресата».

Упрек: *Знаю, что и ничего из того, что ты едешь, теперь не может выйти, но ты невольно играешь этим, сама себя возбуждаешь; возбуждает тебя и (то) мое отношение к этому. И ты играешь этим* (1 февраля 1897 года) [16, с. 275]. *Но если ты подумаешь и сама себя проанализируешь, то увидишь, что это неправда: во 1-ых, и нужды особенной нет для поездки, во 2-ых, можно б(ы)ло ехать прежде и после – постом* (1 февраля 1897 года) [16, с. 275]. *...надо справляться, когда, куда он едет, какие репетиции когда играет...* (1 февраля 1897 года) [16, с. 276]. Вербальная объективация данной тактики опирается на слова с процессуальной семантикой, которая наделяется

оценочной интерпретацией: *едешь, поездка* – в данной ситуации «плохо» и др., поскольку означает свидание, измену. Данная тактика имеет эксплицитный характер, указывает адресату на то, что он нарушает правила кооперации, делает что-то нежелательное для субъекта. Эта тактика рассчитана на прямое эмоциональное воздействие на адресата. Ее когнитивным оператором является установка: «Знай, что ты делаешь нечто плохо. То, что ты делаешь может привести к плохим последствиям».

Оценка третьего лица, выступающего в роли причины ревности: *...чуждый совсем и не нужный и ни в каком смысле не интересный человек руководит нашей жизнью, отравляет последние года или год нашей жизни, унижительно и мучительно...* (1 февраля 1897 года) [16, с. 275]. Очевидно, что вербализация данной тактики опирается на употребление оценочных слов: *чуждый, не нужный, не интересный, отравляет* и др. Толстой прибегает к эксплицитной негативной, уничижительной оценке. В этом случае данную тактику следует считать эксплицитной, направленной на прямое сообщение адресанту оценки третьего лица. Она основана на эмоциональном воздействии на адресата. Когнитивным оператором данной тактики является установка: «Знай, что тот, кто интересен тебе, плохой».

Сопоставление: *И происходит это именно в конце нашей жизни – прожитой хорошо, чисто, именно тогда, когда мы все больше и больше сближались, несмотря на все, что могло разделять нас* (1 февраля 1897 года) [16, с. 276]. Вербальная реализация данной тактики опирается на лексический контраст. Лев Николаевич сравнивает жизнь до появления Танеева и настоящую в целях показать никчемность последней. Сопоставление предполагает последующие выводы, которые должен сделать адресат. Данная тактика носит логический характер, она рассчитана на убеждение адресата в чем-либо. Ее когнитивным оператором является установка: «Сравни: то, что связано со мной, хорошее, то, что связано с другим, плохое. Выбери хорошее».

Прогнозирование последствий с преувеличением. Так, Толстой домысливает, что ситуация может привести одного из супругов к смерти: *Кончиться это может невольно чьей-нибудь смертью, и это, во всяком случае, как для умирающего, так и для остающегося, будет ужасный конец, и кончиться может свободно, изменением внутренним, которое произойдет в одном из нас* (1 февраля 1897 года) [16, с. 276]. *Правда, есть еще два выхода – это моя или твоя смерть, но оба они ужасны, если это случится прежде, чем успеем развязать наш грех* (19 мая 1897 года) [16, с. 287]. Данная тактика репрезентируется с опорой на слова с семами ин-

тенсивности: *ужасны, грех, смерть*. Она имеет эксплицитный характер и рассчитана на эмоциональное воздействие на адресата. Когнитивным оператором данной тактики является установка: «Если ты будешь продолжать делать так, как делаешь, это приведет к очень плохим последствиям».

Таким образом, Толстой использует преимущественно эксплицитные тактики, открыто и непосредственно влияющие на адресата. Для него важно быть правильно понятым. Он эмоционален и категоричен. Все речевые тактики реализуют предложенный выше когнитивный сценарий.

М.С. Матыцина считает основным средством объективации ревности экспрессивы и отмечает: «Иллокутивная цель экспрессивов, к которым мы отчасти можем отнести речевой акт выражения зависти и ревности, чаще всего выражается не эксплицитными, а имплицитными средствами» [18, с. 114]. В дискурсе Толстого ревность вербально объективирована. В письме используется большое количество разнообразных интенсификаторов, характеризующих как собственное состояние, так и отношения Софьи Андреевны и Танеева: *больно, больше, чем неприятно, ужасно мучительно, унижительно и страшно нравственно утомительно, ужасно, отвратительно, постыдно: ...отвратительная гадость, наложившая на все свою ужасную печать...* (1 февраля 1897 года) [16, с. 276]. *...чтоб отнестись к этому равнодушно, я должен сделать крест над всей нашей прошедшей жизнью, вырвать из сердца все те чувства, которые есть к тебе* (1 февраля 1897 года) [16, с. 277]. *Грустно, грустно, ужасно грустно. Хочется плакать* (17 февраля 1897 года) [16, с. 278]. Все это свидетельствует о высокой степени беспокойства и тревожности субъекта.

Свое состояние Толстой характеризует как ужас, ад: *...всякую минуту могу сорваться и сделать что-нибудь нехорошее: без ужаса не могу думать о продолжении тех почти физических страданий...* (19 мая 1897 года) [16, с. 285]. *...кошмар, в продолжение года, душившего нас...* (19 мая 1897 года) [16, с. 286]. *Хуже этого ада быть не может для меня...* (19 мая 1897 года) [16, с. 287]. Толстой пишет: *...Продолжать жить так, как мы теперь живем, я почти не могу* (19 мая 1897 года) [16, с. 285]. Определительная частица *почти* в данном контексте репрезентирует психологическую неустойчивость субъекта, его попытку удержать равновесие.

Состояние жены Толстой определяет как *заниптовизированное, «самнабулизм»*, указывая на ее подвластность внешним обстоятельствам, неосознанность совершаемых поступков. Толстой прибегает к деструктивной коммуникативной тактике, которую он использует и в других письмах,

касающихся иных, принципиальных для него вопросов: он определяет границы своих уступок и заявляет, что не отступится от них ни при каких условиях: *Изменение это во мне произойти не может: перестать видеть то, что я вижу в тебе, я не могу, потому что ясно вижу твое состояние; отнестись к этому равнодушно тоже не могу* (1 февраля 1897 года) [16, с. 276].

В мае 1897 г. Толстой пишет два письма: первое не было отправлено, оно стало своеобразным черновиком второго, написанного на основе первого, дополненного и расширенного. Толстой открыто и категорично заявляет о своем неприятии общения Софьи Андреевны с С.И. Танеевым. Первое письмо написано более категорично: *Сближение твое с Т(анеевым) мне отвратительно* (18 мая 1897 года) [16, с. 284]. Ср.: *Твое сближение с Т(анеевым) мне не то что неприятно, но страшно мучительно* (19 мая 1897 года) [16, с. 285]. Первое письмо отражает доминирование эго. В каждом предложении используется местоимение я: *Вот уж год, что я не живу. ...Я говорил это тебе и с раздражением, и с мольбой. Я пробовал последнее время молчание. Я все испробовал, и ничто не помогло... Я не могу больше переносить этого*» (18 мая 1897 года) [16, с. 284]. Во втором письме Толстой отказывается от эгоцентрической тактики и использует средства эмпатии, описывая состояние Софьи Андреевны в случае, если он уедет: *И я решил уехать, но когда я подумал о тебе, не о том, как мне будет больно лишиться тебя, как это ни больно, а о том, как тебя это огорчит, измучит, как ты будешь страдать, я понял, что я не могу этого сделать, не могу уехать от тебя без твоего согласия*» (19 мая 1897 года) [16, с. 285]. Таким образом, Толстой явно меняет коммуникативную стратегию: он уходит от желания выплеснуть свое негодование и хочет убедить адресата следовать его просьбе.

В первом письме Лев Николаевич сообщает о своем решении расстаться с женой и уехать за границу: *Очевидно, что ты не можешь прекратить этого – остается одно – расстаться. На что я твердо решился. ...Я думаю, что лучше всего мне уехать за границу* (18 мая 1897 года) [16, с. 284]. Во втором письме Толстой со свойственной ему обстоятельностью предлагает Софье Андреевне несколько вариантов развития событий: *Выходы из этого положения мне кажутся такие...* (19 мая 1897 года) [16, с. 285]. Самым правильным из них он считает полный разрыв отношений. Второй вариант – его отъезд за границу. Лев Николаевич характеризует его как *...самый трудный, но все-таки возможный...* Третий вариант – это совместный с Софьей Андреевной отъезд за границу. Четвертый, по мнению пишущего, *«...самый страшный...»* продолжать жить так, как жили раньше.

И пятый вариант – не обращать внимания на происходящее и *«...ждать, чтобы это само прошло...»* (19 мая 1897 года) [16, с. 286]. Без всякого сомнения, расположение предложенных вариантов отражает психологическое состояние пишущего. Толстой психологически измучен, неуравновешен, поэтому первое, что предлагает, – это расставание. Конечно, он не хочет этого, иначе бы не писал Софье Андреевне, но такое заявление отражает, с одной стороны, желание усилить воздействие на адресата, с другой – невозможность совладать с самим собой. Содержание выдвинутых Толстым предложений противоречиво. Он предлагает жене и расстаться, и быть вместе, изменив свою жизнь, и ничего не менять, оставаясь вместе. Однако это вряд ли предложения выхода из сложившейся ситуации. Скорее, это можно назвать душевными метаниями. Такую характеристику предложений Толстого подтверждает их нечеткость. Первое и второе, четвертое и пятое близки друг другу и, по сути, представляют собой интерпретацию одного и того же: расстаться/продолжать жить, ничего не меняя. Толстой дописывает письмо, указывая на то, что если Софья Андреевна решит ничего не менять, он примет это и будет молчать. Тем самым Лев Николаевич отрицает все предложенные варианты: он уже допускает и принимает нежелательный для себя разворот событий.

Во втором письме проскальзывает одна из причин ревности – стыд. Таким образом, Толстой ориентируется на общественное мнение, его беспокоит, что о нем подумают: *Главное, как я тебе говорил, стыд и за тебя, и за себя* (19 мая 1897 года) [16, с. 286]. И.А. Куприева и М.С. Матыцина отмечают: «Чувство собственного достоинства любящего в этом случае становится оскорбленным, уязвленным. Такая ревность переживается особенно остро. Человек начинает испытывать невыносимую душевную боль, стоит лишь только ему представить, что его возлюбленный встречается с кем-то другим, а не с ним. В такие моменты мысль о том, что его предали, бросили, что он никому не нужен, что он навсегда лишился чего-то очень ценного, а любовь его оказалась напрасной и бессмысленной, пронизывает человека. Возникающее сознание внутренней опустошенности, своего одиночества сопровождается обидой, стыдом, разочарованием, печалью, досадой, гневом. Человек в подобном состоянии не способен вести себя рационально» [9, с. 23]. В итоге Толстой просит Софью Андреевну саму решить сложившуюся ситуацию: *...придумай, голубушка, сама наилучшее средство избавить не столько меня от этого, сколько себя самое от еще худших мучений, которые непременно в том или другом виде придут, если ты не изменишь свой взгляд на все это дело и не сделаешь*

усилие (19 мая 1897 года) [16, с. 287]. Таким образом, Толстой считает, что причина его беспокойства кроется исключительно в Софье Андреевне, она должна сделать так, как хотелось бы мужу, иначе ее ждут нравственные мучения. В этой фразе сложным образом переплетается и эмпатия, и косвенная угроза, и просьба.

Следуя классификации, предложенной А.Н. Волковой, чувство ревности, которое испытывал Л.Н. Толстой в тот период, можно охарактеризовать как активное (по типу переживания), глубокое (по интенсивности), нормальное (по критерию нормы), когнитивное (по содержательному критерию) (Волкова, 1989) [19, с. 23].

Заключение

Итак, чувство ревности и его выражение представляет собой сложную коммуникативную стратегию, состоящую из разнообразных тактик, в том числе речевых. Ревность – неконтролируемое, спонтанно возникающее чувство, ввиду чего целеполагание для нее рецессивно. Однако в личностном дискурсе Толстого проявление ревности имеет выраженное намерение: он требует от жены, чтобы она прекратила общение с С.И. Танеевым. Толстой использует разнообразные речевые тактики, испытывая чувство ревности: формирование чувства вины, симуляция непонимания, сравнение, упрек, оценка третьего лица, прогнозирование последствий с преувеличением.

Выделенные тактики имеют преимущественно эксплицитный характер, направлены на открытое и непосредственное влияние на адресата, отражают его желание быть правильно понятым, эмоциональный накал и категоричность, которая находит свое выражение в определении собственных интересов, границ, за которые пишущий не намерен заходить. Речевые тактики носят деструктивный характер, акцентируют внимание на состоянии пишущего, требуют от адресата изменения поведения в соответствии с интересами автора писем, дают негативную характеристику действиям получателю. В то же время Толстой использует различные

способы выражения эмпатии для того, чтобы образумить свою жену.

Все речевые тактики объективируют когнитивный сценарий ревности. Для реализации каждой коммуникативной тактики используются экспрессивные средства, среди которых регулярны экспрессивы, которые передают высокую степень тревожности пишущего. Свое состояние Толстой характеризует как ужас, ад, состояние жены Толстой определяет как *загипнотизированное*, «самнабулизм». Данные смыслы он ставит в отношения причины и следствия. Такая характеристика отражает понимание, что субъекты не контролируют ситуацию. Толстой объективирует причину ревности – страх перед общественным мнением. Однако и этот вербальный акт является средством манипуляции женой: Лев Николаевич совершил много поступков, не считаясь с культурными установками своего времени [20], Софью Андреевну всегда волновало то, что о ней подумают и скажут. Важным средством объективации чувства ревности является последовательность информации. Для этих писем Толстого характерна непоследовательность, нелогичность. Итак, сущность ревности для Толстого выражается в том, что его жена нарушила обычное течение жизни, вызвала в нем тревожность, причина которой заключается только в поведении Софьи Андреевны, которая способна нормализовать ситуацию. Толстой выдвигает требования жене и ставит условия ей.

Задачи антропоцентрического направления в лингвистике заключаются в том числе в осмыслении скрытых сфер человека. Мы не преследуем цель дать оценку семейной жизни Толстых. Вклад Л.Н. Толстого в духовное наследие человечества заключается не только в оставленных им художественных публицистических, философских, дидактических произведениях, но и в дневниках, письмах, к которым он относился с большим трепетом и понимал, что их тоже будут читать. Заслуга Толстого в этом аспекте заключается в его умении точно выразить эмоциональное состояние, показать диалектику души. Исследование запечатленных в письмах эмоциональных состояний позволяет осмыслить их природу и генезис.

Список источников

1. Барсукова И.В. Систематизация лингвистических концептов эмоциональных состояний // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 4 (63). С. 13–18.
2. Битокова С.Х. Национально-культурная специфика эмоциональных концептов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2009. № 3. С. 98–104.
3. Касаткина А.В. Психология ревности: анализ зарубежной и отечественной литературы // Психология и педагогика в Крыму: пути развития. 2022. № 4. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50014235> (дата обращения: 30.01.2025).
4. Новицкая Т.А. Фразеологические средства вербализации эмоционального концепта «Страх» в языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 22. С. 107–111.
5. Малахова С.А. Личностно-эмоциональные концепты «Гордость» и «Стыд» в русской и английской лингвокультурах. Армавир: АГПА, 2011. 207 с.

6. Солодилова И.А. Проблемы моделирования эмоциональных концептов // Вестник Башкирского университета. 2010. Т. 15, № 1. С. 71–74.
7. Земичева С.С. Эмоциональные концепты «Плач» и «Смех» в дискурсе носителя народно-речевой культуры // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2019. Т. 18, № 3. С. 116–129. doi: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.9>
8. Цицкиева Р.Ю. Проблемы моделирования эмоциональных концептов // *Lingua-Universum*. 2017. № 4. С. 36–40.
9. Куприева И.А., Матыцина М.С. Проблемы прагмалингвистического анализа эмоций зависти и ревности в современном английском языке. *Tribun EU*, 2016. 93 с.
10. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981.
11. Шаховский В.И. Эмоции. Долингвистика. Лингвистика. Лингвокультурология. М.: URSS, 2010. 128 с.
12. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.
13. Вежицкая А. Язык. Познание. Культура. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
14. Бочкарёв А.Е. Способы и средства выражения отчаяния // Вестник Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Языкознание. 2016. Т. 15, № 3. С. 103–110. doi: [10.15688/jvolsu2.2016.3.11](https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.3.11)
15. Толстая С.А. Дневники 1862–1910. М.: Захаров, 2022. 704 с.
16. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Письма к С.А. Толстой: в 90 т. Т. 84. М.: РГБ, 2006. 449 с. 651 с.
17. Слово Толстого. URL: <https://slovotolstogo.ru/> (дата обращения 25.01.2025).
18. Матыцина М.С. Типы речевых актов выражения ревности и зависти // Научные ведомости. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. № 13 (156). В. 18. С. 113–116.
19. Волкова А.Н. Опыт исследования супружеской неверности // Вопросы психологии. 1989. № 2. С. 98–102.
20. Токарев Г.В. Гений против правил: ответ Льва Толстого на культурные установки его времени. Тула: Тульский полиграфист 1, 2024. 76 с.

References

1. Barsukova I.V. Sistematizatsiya lingvisticheskikh kontseptov emotsional'nykh sostoyaniy [Systematization of linguistic concepts of emotional states]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 4 (63), pp. 13–18 (in Russian).
2. Bitokova S.Kh. Natsional'no-kul'turnaya spetsifika emotsional'nykh kontseptov [National and cultural specifics of emotional concepts]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta*, Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedeniye, 2009, no. 3, pp. 98–104 (in Russian).
3. Kasatkina A.V. Psikhologiya revnosti: analiz zarubezhnoy i otechestvennoy literatury [Psychology of jealousy: an analysis of foreign and domestic literature]. *Psikhologiya i pedagogika v Krymu: puti razvitiya*, 2022, no. 4 (in Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50014235> (accessed 30 January 2025).
4. Novitskaya T.A. Frazеologicheskiye sredstva verbalizatsii emotsional'nogo kontsepta «Strakh» v yazyke [Phraseological means of verbalization of the emotional concept of “Fear” in language]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2007, no. 22, pp. 107–111 (in Russian).
5. Malachova S.A. Lichnostno-emotsional'nye kontsepty «Gordost'» i «Styd» v russkoy i angliyskoy lingvokul'turakh [Personal-emotional concepts of “Pride” and “Shame” in Russian and English linguistic cultures]. Armavir, AGPA Publ., 2011. 207 p. (in Russian)
6. Solodilova I.A. Problemy modelirovaniya emotsional'nykh kontseptov [Problems of modeling emotional concepts]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2010, vol. 15, no. 1. pp. 71–74 (in Russian).
7. Zemicheva C.C. Emotsional'nye kontsepty «Plach» i «Smekh» v diskurse nositelya narodno-rechevoy kul'tury [Emotional concepts of “Crying” and “Laughing” in the discourse of a native speaker of folk speech culture]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya 2: Yazykoznaniye, 2019, vol. 18, no. 3. pp. 116–129. doi: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.9> (in Russian).
8. Tsitszkieva R.Yu. Problemy modelirovaniya emotsional'nykh kontseptov [Problems of modeling emotional concepts]. *Lingua-Universum*, 2017, no. 4, pp. 36–40 (in Russian).
9. Kuprieva I.A., Matytsina M.S. Problemy pragmalingvisticheskogo analiza emotsiy zavisti i revnosti v sovremennom angliyskom yazyke [Problems of pragmalinguistic analysis of emotions of envy and jealousy in modern English]. *Tribun EU*, 2016. 93 p. (in Russian).
10. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 tomakh* [Dictionary of the Russian language]. Ed. A.P. Evgen'eva. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1981 (in Russian).
11. Shakhovskiy V.I. Emotsii. Dolingvistika. Lingvistika. Lingvokul'turologiya [Emotions. Linguistics. Linguistics. Cultural linguistics]. Moscow, URSS Publ., 2010. 128 p. (in Russian).
12. Vezhbitskaya A. Yazyk. Poznaniye. Kul'tura [Language. Cognition. Culture]. Moscow, Russkiye slovari Publ., 1997. 416 p. (in Russian).

13. Vezhbitzskaya A. *Semanticheskiye universalii i opisaniye yazykov* [Semantic universals and language descriptions]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999. 780 p. (in Russian).
14. Bochkaryov A.E. Sposoby i sredstva vyrazheniya otchayaniya [Ways and means of expressing despair]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. Seriya: Yazykoznaniye, 2016, vol. 15, no. 3. pp. 103–110. doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.3.11 (in Russian).
15. Tolstaya S.A. *Dnevnik 1862–1910* [Diaries of 1862–1910]. Moscow, Zakharov Publ., 2022. 704 p. (in Russian).
16. Tolstoy L.N. *Polnoye sobraniye sochineniy. Pis'ma k S.A. Tolstoy* [The complete works. Letters to S.A. Tolstoy]. Moscow, RGB Publ., 2006. 651 p. (in Russian).
17. *Slovo Tolstogo: v 90 tomakh. Tom 84* [Tolstoy's Word. In 90 volumes. Vol. 84] (in Russian). URL: <https://slovotolstogo.ru/> (accessed 25 January 2025).
18. Matysina M.S. Tipy rechevykh aktov vyrazheniya revnosti i zavisti [Types of speech acts expressing jealousy and envy]. *Nauchnye vedomosti. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2013, no. 13 (156), vol. 18, pp. 113–116 (in Russian).
19. Volkova A.N. Opyt issledovaniya supruzheskoy nevernosti [Experience of marital infidelity research]. *Voprosy psikhologii*, 1989, no. 2, pp. 98–102 (in Russian).
20. Tokarev G.V. *Geniy protiv pravil: otvet L'va Tolstogo na kul'turnye ustanovki ego vremeni* [Genius against the Rules: Leo Tolstoy's Reaction to the Cultural Attitudes of his Time]. Tula, Tul'skiy poligrafist 1 Publ., 2024. 76 p. (in Russian).

Информация об авторе

Токарев Г.В., доктор филологических наук, профессор, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (пр. Ленина, 125, Тула Россия, 300026).
E-mail: grig72@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2362-0902; Researcher ID: A-6094-2017; Scopus ID: 57016822200; SPIN-код: 1580-0050

Information about the author

Tokarev G.V., Doctor of Philological Sciences, Professor, Tula State Pedagogical Tolstoy University (pr. Lenina, 125, Tula, Russian Federation, 300026).
E-mail: grig72@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2362-0902; Researcher ID: A-6094-2017; Scopus ID: 57016822200; SPIN-code: 1580-0050

Статья поступила в редакцию 31.01.2025; принята к публикации 20.05.2025
The article was submitted 31.01.2025; accepted for publication 20.05.2025